

KIDS' HATRED

— Слушай, а ты не хочешь поехать в Берлин в следующем году? — раздаётся голос из трубки. Я замираю. Я? Берлин? Ка-а-а-ак?

— Конечно, хочу! — выпаливаю тут же. — А что для этого надо сделать?

— У нас тут один проект будет летом, “Рок-Мобиль” называется. Приезжает группа из Берлина молодёжная, дадут ряд концертов, интервью... Нужно будет посопровождать их тут, попереводить. Недельку выдержишь? На волонтерских началах. Ну, а в следующем году наши наносят ответный визит, а ты с ними. Как тебе?

— Идея классная. Только вот есть маленькая проблемка — я очень плохо знаю немецкий.

— Смотри, сейчас начало мая. Приезжают они в августе. У тебя целых три месяца на подготовку. Решать тебе. Давай, думай до вечера.

Раздаётся щелчок и короткие гудки. Я застыла в изумлении, уставившись на красный телефонный аппарат. Вот это шанс! Причём который стучит дважды, раз дали время подумать. Мне двадцать лет, за окном 2002 год. Заканчиваю третий курс иняза. Основной язык — английский, и я уже довольно сносно на нём изъясняюсь. На немецком пока могу рассказать только про свою семью и квартиру. Переводить? Это просто нереально. Люди к этому годами идут.

Но тут же зажмуриваю глаза и представляю себе Берлин. Я ни разу не была за границей, не знаю, что это такое, но очень туда хочу. Всегда стремилась. И предлагают тебе не курорт в Турции или Египте, а Европу! И участие в таком классном проекте! А вдруг эти ребята прославятся, а я потом с гордостью буду говорить и показывать фотки — видите, а вот кто с ними в Калуге тусовался! Только вот немецкий...

Я набираю номер телефона своего репетитора. Посоветоваться. Её нет дома. Будет только вечером. Но терпения не хватает перезванивать ей позже. Я уже для себя решила, что хочу в Берлин. Ведь когда ещё представится мне такой шанс поехать за границу! А вдруг с кем-то ещё в это время ведутся переговоры, и этот таинственный “кто-то” быстрее меня скажет “да”?

— Я согласна! — выпаливаю в трубку.

— Ну и супер! Правильное решение! До встречи в августе!

Я прыгаю на диване в комнате. “Берлин, Берлин! Жди меня-я-я-я-я! Я скоро буду! Всего лишь через год!”

— Таня, ты не сможешь, — металлический укоризненный голос педагога режет меня по ушам. — Только опозоришься.

Я молчу. Не такие слова хотелось мне услышать сегодня. Вместо этого желательное было бы одобрение, похвала, мотивирующие лозунги всякие... А тут — хресь! — ушат холодной воды. И что это за фраза такая? “Таня, ты не сможешь?” Я? Я не смогу? Это вообще о какой Тане сейчас идёт речь? Не знаю я такую Таню, которая там что-то не сможет. Меня ждёт Рейхстаг, понятно? Ну, а с кучкой ряженных я как-нибудь справлюсь.

— Давайте попробуем, — я сдерживаю ярость в голосе. — Обещаю очень активно заниматься летом, может быть, что-то и получится.

— Я уже высказала своё мнение. Но, если ты очень настаиваешь...

ОЧЕНЬ!!!

— ...то тогда жду тебя в четверг в три.

Я разозлилась. Значит, сто процентов смогу.

Летние каникулы были потрачены на Белинку — местную книжную сокровищницу. Немецкий штудировала практически круглосуточно, и к началу августа уже более сносно могла что-то лопотать на языке Гёте и Шиллера. Вот так и закаляется сталь. Есть два типа людей — те, которым говорят, что ты не можешь, не твоё это. Так они и верят на слово, даже не пытаясь что-то предпринять, хоть маленький шажочек. Не набив шишек — на научись-ся. Так, конечно, оно и спокойнее, но порой и несчастнее. Вот сидишь тут, в уютной норе, где тишь да гладь, да ничего не слышно, и мечтаешь: “А вот если бы тогда...” Или: “А вот если бы я...” Ну, и где ты? Смелый, отважный ты, готовый горы свернуть и космос покорить, только бы твоя мечта осуществилась? Нет, тебе не хочется ветра со снегом в лицо, тебе не хочется месить грязь и карабкаться по скале. Уютная норка всё заманчивее и роднее. А мечтать... мечтать не вредно! А очень даже приятно. Хорошо, когда это просто мечты. А не зависть. Завидовать и раздавать советы легко. Но, сидя на диване, всё равно сложно представить, какой путь прошёл человек, чтобы получить частицу своего успеха. Это мало кого волнует. Из норы-то оно виднее.

А другой человек, карабкающийся по скале вот уж который день, всё время представляет себе тёплую ванну с пеной и разными там свечечками-маслами-музыкой приятной, халат белый такой банный, пушистые огромные тапки... и камин. Непременно камин, у которого можно засесть в кресле-качалке и, закрутившись в клетчатый плед, долго и внимательно смотреть на завораживающие языки пламени, постепенно слизывающие обречённые дровяные тельца. Огонь греет. Огонь волнует и успокаивает одновременно. Как много мыслей приходит во время беззвучного диалога с пламенем. Ты знаешь — оно тебя не тронет. Не сегодня. Ты защищён от искр изящной кованой решёткой. В такие моменты и приходят нужные мысли.

Человек на скале замирает на мгновение. Но тут же вспоминает, что камин-то у него ещё нет. Вроде банный халат есть, и даже свечечки разные. Но без каминка всё ж не то. Он устало вздыхает, набирая больше воздуха в лёгкие, и продолжает ползти вверх. Рано или поздно он всё же получит

свой камин, и не только. Ведь этого хочется, и что-то делается. А значит, непременно получится. Может быть, не завтра, и даже не послезавтра. Но тогда, когда нужно. Ведь время всё знает. И время не терпит суеты.

Это была моя первая иностранная делегация в жизни. До этого я практически не общалась с иностранцами. Тогда, в далёком 2002 году они ещё были большой редкостью в нашем городе.

А тут тебе местные рок-звёзды! Ну и пусть известные пока у себя “на районе” в Берлине. Не важно! Впоследствии ребята из группы Kids’ Hatred запишут несколько альбомов и замелькают на немецком MTV. Игралли они ну, очень громко, и очень heavy-metal. И выглядели соответствующе. Особенно барабанщик — огромный, сплошь покрытый татуировками и пирсингом. Притащи такого к нам во двор — бабушки на лавочке точно попа вызовут.

Немцы оказались вполне милыми ребятами. По пути из Шереметьево в Калугу мне удалось с ними немного поболтать. Я честно призналась, что у меня с их родным наречием есть проблемки, но они шумно стали меня подбадривать: “Alles gut!” Мы, дескать, поможем, если что. Да и Рольф тут английский знает.

Ну да, песни-то у вас все на языке Шекспира. Поди, в школе учили.

На пути из аэропорта в Калугу Ренате, худощавой, темноволосой руководительнице этого коллектива, захотелось в туалет.

— Зелёная остановка! — прошу водителя. Тот напрягся. По дороге он не припоминал ни одной более или менее приличной заправки с чистым туалетом, а продемонстрировать немецкой фрау деревянную избушку с дыркой в полу и незабываемым запахом ему вовсе не хотелось.

— А то скажут ещё, что у нас лет семьдесят ничего не меняется, — подмигнул он и, недолго думая, тормознул у леса. Рената невозмутимо вышла из мини-автобуса и пропала на полчаса. Когда мы уже было собрались отправиться на поиски, она незаметно появилась из-за деревьев и с каменным лицом объявила, что туалета никакого не нашла там, и поехали уже, пожа-луйста, дальше искать, ибо очень надо.

— Дикий народ, — вынес свой вердикт водитель.

Миссию мы, в итоге, с горем пополам выполнили. Но это было только начало испытаний Россией крепких с виду немецких парней. Программа предстояла обширная. “Тур по России”, — гордо было написано на сайте группы. Он включал Сосенский, Кондрово, Обнинск и, собственно, Калугу. Помимо этого, предстояли ещё многочисленные интервью, съёмки для местного телевидения и общение с фанатами.

Проекту не хватало денег, поэтому мы волонтерили. Разобрали немцев по домам. Мне достался самый тихий — басист Рольф с роскошной гривой каштановых длинных волос. Ему не повезло. В ту неделю у нас отключили горячую воду, и немец категорически отказывался понимать простую схему: нагретый бачок — ковшик-разбавить кипяток — помыться. Рольф молчаливо закалялся, и моя мама сокрушалась, что тот, в конце концов, подхватит ангину или менингит. Тот, к счастью, ничем не заболел и незаметно прожил неделю в моей комнате. Да так неприметно, что его так ни разу и не увидел мой папа, который уходил на работу очень рано. Мы же приезжали с концертов поздно, поэтому папа видел Рольфа только по телевизору.

— Во-он, видишь того мальчика слева? — тыкала мама пальцем в экран. — Вот он у нас живёт.

Папа грустил, ибо некому было показать дембельский альбом из Магдебурга и обсудить немецкую сборную по футболу. Но ему пришлось с этим смириться. Я уверенно пообещала ему, что однажды приведу ещё какого-нибудь представителя из Восточной Германии к нам в гости.

Музыканты поломали нам весь график своими длительными трапезами. Такое ощущение, что они пережёвывали пищу миллион раз. Всё по-научному. Мы злились, торопились, а они ещё умудрялись потом минут сорок сидеть после обеда, спокойно беседуя и отдыхая. Не по-нашему... Потом мы их гнали галопом на какое-то очередное интервью, и тут уж они приходили в бешенство. Но вида особо не показывали, воспитанные ребята. Только

Свен немного хмурился, а у Гюнтера, татуированного барабанщика, наливались кровью глаза. Тогда-то я и выучила новое слово — Scheisse.

— А зачем ты кинула огрызок в окно? — мы ехали в Сосенский и весело грызли яблоки.

— А куда надо? — удивилась я.

— А разве так можно? — продолжал допрос Андреас.

— Так никто никогда не говорил, что нельзя. У нас так все делают, — я почему-то покраснела, и мне вдруг стало неловко.

— А мне можно кинуть? — спросил Андреас.

— Можно, — разрешаю.

Гитарист, как маленький ребёнок, которому только что разрешили побегать по лужам, метко кинул свой огрызок в узкую щель окна.

— Прикольно. А у нас за это штраф.

Я убрала огрызок в пакет.

Сидя после очередного интервью на ступеньках горуправы, ребята молчаливо курили, бросая окурки рядом с другими. Рядом находилась урна. Как быстро человек приобретает новые привычки. Особенно те, за которые не штрафуют. Их нирвану нарушил строгий полный мужчина в неудачно скроенном пиджаке, который едва сходилась на солидном животе.

— Это что вы тут устроили?!.. — разорался он. — Мало того, что в таком виде расхаживаете, так ещё и мусорите тут? А ну, быстро убрали всё!

Немцы поняли его речь без перевода и собрали не только собственные окурки, но и своих предшественников. Мне кажется, даже после генеральной уборки у горуправы не было так чисто.

— Не пойман — не вор, — пожала плечами я. — А ежели поймали... будьте любезны.

Вообще, благодаря им, я теперь всегда всё выбрасываю в урну. Немцы кого хочешь приучат к порядку. После забойного пикника с местными рокерами именно заезжие звёзды резво собрали весь мусор в пакеты минут за пять и потом аккуратно донесли всё до ближайшей помойки.

Концерты проходили на ура. Это было похоже на какое-то безумие. Ребята, которых в Германии никто толком-то и не знал, здесь по полной окунулись во всеобщую славу и обожание. А всего-то — афиши расклеены, по телеку показывают. Выглядят колоритно — длинноволосые, брутальные. Я чувствовала себя частью crew, снисходительно поглядывая на стремительно собирающуюся компанию groupsies. С одной из них чуть даже не приключилась порядочная женская драка.

После очередного мероприятия гости изволили пойти на танцы... Мы потащили их в самый приличный на тот момент в городе клуб "Вертолёт". Заведение находилось в центре, там было громко и ослепляющее ярко, и модная местная публика, прознавшая про приход берлинцев, уже была там.

— Я очень люблю свою девушку, — откровенничал Свен, — её зовут Ангела, но я называю её Ангелочек. Engelchen.

Awww, милаха ты сентиментальная! Ну, что ж, вашей нации это присуще.

Через пару стопок сорокоградусной Свен оказался на танцполе с местной активной Freulein. Она раскручивала его, как юлу на гладком полу, Свен хохотал, кокетливо подмигивая матёрой искусительнице. Ангелочек упорхнул на задворки памяти, и весёлый немец был легко пленён стальными объятиями без какого-либо права обмена или выкупа. Дамы в России хваткие. Уж как решили, так и будет. В ход идут любые инструменты, если уж что-то вбили себе в голову.

Андреас и Уве были пьяны и добры. Та-а-ак, чего набрались-то?

— Ну как, Андреас купил мне 100 грамм, я — ему... Вот так и пьём уже час.

Отлично! Что там с Гюнтером? Да этому громиле ведро надо, и ничего с ним не будет. Барабанщик тихо сидел за стойкой бара, возле него примостились две готки. Все втроём молчали. Мрачная тёмная компания. Хорошо, что хоть юбку не надел в этот раз — у него была небольшая коллекция, которую он то и дело демонстрировал на концертах вкупе с чёрной помадой. Ну ладно, вроде спокойно там.

Временный наш сосед Рольф потягивал “Спрайт”. Он вообще ничего алкогольного не пил. Хороший мальчик. Мы с ним переглянулись — пора вводить народ. Завтра концерт. Руководство уже давным-давно отпоровилось смотреть свои сны, мне же предстояло доставить рокеров по адресам.

Свен нарезал круги по танцполу, словно балерина в Большом. Он уже хотел спать, но его не пускали. Точнее, его бы с удовольствием забрали спать в другое место, но Свен в школе учил английский, а разбирать непонятные славянские слова ему не позволяли иссякшие силы.

— Ты ч-о-о-о-о! — заорала девица, отпихивая меня от ценного военного трофея. — Куда лезешь, слы-ы-ы-ышь?!.. Он мо-о-о-о-ой!!!

Это она мне “слышь” сказала? Мне, девочке из приличной семьи?

— Чо-о-о-о, не поняла, да? Тупа-а-а-ая, да?

Так, драться мне с ней не хотелось. В последний раз это было у меня во втором классе, и что-то подсказывало мне, что сейчас бой будет неравный. У моего противника явно гораздо больше боевых вылетов.

Свен стал мне радостно улыбаться, что ещё больше раззадорило его танцевальную партнёршу. Спасло меня чудесное появление Гюнтера и Рольфа у меня за спиной. Ох, охраннички, вовремя! Отпихнув претендентку на место Ангелочка, они взяли Свена, выделывающего танцевальные па, под руки и быстро вывели из клуба. Мы наотрез отказались брать такси и провели его в качестве назидания и меры по трезвлению по улице Ленина до самого вокзала. Свен пытался было развернуться, но Гюнтер железной рукой впивался в его плечи и подталкивал в сторону дома.

Доехав на такси до квартиры Гюнтера, мы поняли, что потеряли Андреаса.

Тот не брал трубку. В последний раз мы видели его в клубе. В клубе тоже никто не брал трубку. На тот момент это был один из самых страшных дней в моей жизни: я потеряла немца!!! Моя первая работа, а я где-то посеяла иностранца... Куда звонить? Полиция? Морг? Больница? Боже... А со мной что-теперь-то будет?..

Я проревела полночи. Андреас, живой и невредимый, появился под утро с застенчивой довольной улыбкой на лице, бутылкой пива и двумя девицами под руками. Подружки быстро попрощались и ушли. Мы так и не поняли, откуда они узнали, где он живёт, так как тот даже при угрозе расстрела в жизни ни назвал бы свою калужскую улицу.

Уж не знаю, что сказали или сделали с ним его собратья, но на следующий день Андреас извинился передо мной на шести языках, включая русский. Без акцента.

Они ещё не раз приходили мне на помощь. По-человечески как-то сошлись. Мы работали как одна команда и старались друг друга больше не подводить.

Работа переводчика — неблагоприятное дело. Во многих случаях ощущаешь себя пустым местом. В принципе, так и должно быть: хороший переводчик, словно охранник, обязан быть неприметным, тихим и профессиональным. Но я уже начала привыкать к тому, что, как правило, всем всё равно, как тебя зовут, сколько часов ты уже на ногах, поела ли ты, нужно ли тебе в туалет или просто хочется воды.

Если это какой-то затяжной банкет — то пиши пропало. В такую переделку мы попали в Сосенском. После концерта в Доме культуры, куда местные нарядные девочки пришли на шпильках и с накрученными кудрями, глава администрации закатил пир, созвав туда кучу народа. На разогреве выступила директор местного музея народных промыслов, демонстрирующая историю края.

— Это прялка... А вот веретено... А это ухват...

Ушше... К концу экскурсии её сопровождал только наш оператор, которому она очень подробно рассказала про дымковскую игрушку. Активные показательные приёмы с ухватом несколько смутили наших немецких гостей, и те спешно ретировались отведать уже чего-нибудь не духовного.

— Эй, переводчик! Иди к нам! Как там тебя? — доносилось из разных концов необъятного стола. Я носилась, как угорелая, переводя многочисленные

тосты чрезвычайно важных приглашённых небольшого провинциального городка. В желудке предательски урчало. Было уже семь вечера. В последний раз я ела двенадцать часов назад.

— Ты что такая бледная? — поинтересовался Рольф.

— Очень кушать хочу, — пропищала я.

Через секунду передо мной красовалась огромная тарелка с едой. Ребята обступили меня, словно берлинская стена, громко объявив, что пока Татьяна не поест, она ничего не будет переводить: "Pause, liebe Damen und Herren!"

— Не торопись, — шепнул Гюнтер.

— Danke, — мне захотелось заплакать. Человечность — великое дело.

Проявляется порой в малом, а помнится долго.

Концерты проходили классно. Особенно последний, в Калуге. Городской парк сотрясали динамики, сильный голос Свена и беснующаяся благодарная толпа. С тех пор я полюбила живой рок.

— Тебе нравится наша музыка?

— Хорошо слышно её! — кричу я в ответ.

Русская бюрократия их сводила с ума. Чего стоят полдня, проведённых в ОВИРе! Мы пришли туда в восемь утра, чтобы занять очередь. Нужный кабинет открывался в девять. В девять пятнадцать дверь была ещё закрыта. Через десять минут неторопливой походкой в коридор выплыла нужная нам сотрудница, сопровождаемая шлейфом терпких ванильных духов. Не удосужившись одарить нас даже взглядом, минуты три она открывала ключом кабинет, а спустя ещё десять медленно направилась в туалет, неся в руке чайник.

— Это что?.. — взревел Уве. — Мы тут сколько сидим? Она ещё и опоздала, и опять куда-то пошла?

"Не ори, Уве, пожалуйста, нас тут сейчас с лестницы спустят, и вы без регистрации останетесь", — проговорила я про себя, а велух сказала:

— Она ещё чай просто не пила. — Сейчас попьёт и примет.

— Что-о-о-о-о? Она за что деньги получает? Мы тут сидим уже сколько? Она чай не может дома попить, что ли?

— Может. И, возможно, уже пила. Но пойми, в России много чего нужно выстрадать. В том числе и ваши бумажки с печатями. Зато потом чувствуешь себя настоящим победителем.

— Вы слишком терпеливая нация, — раздражённо заметил Уве. — Никакого порядка!

— Каков характер у нации, такая и страна. Просто надо знать правила игры. И не нарушать их. Смухлевать можно, но незаметно. А это дело практики.

В Шереметьево они тоже долго не могли понять, почему, если написано технический перерыв на пять минут, он продолжается минимум полчаса?..

— Это просто русские минуты, — смеюсь я. — Пять русских минут. Иногда они бывают бесконечными. Расслабьтесь. Как бы вы ни орали, ни стучали в окошко, оно откроется только тогда, когда русские минуты пройдут. А когда — опять же, никому это не известно. Поэтому стоим и терпеливо ждём.

Во время нашей поездки в Москву Рольф очень рвался на Красную площадь.

— Мне обязательно нужно сделать фотографию для бабушки!

Ну-ну, без проблем! Сейчас нам не жалко.

— Знаешь, — Гюнтер неторопливо курил, — наше поколение до сих пор извиняется за эту войну. И будет извиняться. Перед концертом в Калуге какой-то чувак прошёл мимо меня и показал нацистский жест. Приятно-го мало. Я его послал.

— Прости. Мы тоже ведём себя порой некорректно.

— На правах победителя, — ухмыльнулся барабанщик. — Вообще, это урок для всего мира. Нечего к России лезть.

— Нечего, — соглашаюсь.

— Вас просчитать невозможно. Вроде есть схема, а вы — р-р-р-аз! — и другое выдаёте. А почему, зачем — и сами не знаете...

— Видишь, не всегда уместен порядок. Хотя нам есть чему поучиться друг у друга.

На Красной площади сегодня немногочисленно. Понедельник. Мы медленно гуляем, шутим, делаем фотки, рассматриваем собор... Небо приятного голубого цвета, слегка подёрнутое облаками-одуванчиками. Через несколько часов у них самолёт. Моё первое боевое крещение прошло вполне успешно. Увидимся ли снова? Мы переглядываемся, и я замечаю в их глазах грусть. Что, понравилось? Приезжайте ещё. В гости. В гости мы всегда всем рады. А так — до встречи в Берлине!

ШОНА

Мы с Шоной сидим на Театралке — местном калужском Арбате. Несколько метров пешеходной зоны, вымощенной булыжниками, на которых припарковал свой велосипед бронзовый Константин Эдуардович Циолковский. Здесь уютно — вокруг кафешки и магазинчики, погода по-летнему располагает к неторопливой беседе и вообще не призывает куда-либо торопиться. Да мы и не планируем это делать. Не так часто мы встречаемся с Шоной, чтобы экономить драгоценные минуты и тратить их на что-то ещё. Мы жадно вглядываемся друг в друга, делимся новостями, переходя то на русский, то на английский.

— Ты похудела! — восклицаю я, изумлённо осматривая её тоненькую фигурку. На Шоне шорты, футболка, удобные спортивные сандалии. Истинная европейка. Мы планируем прогулку по старой Калуге, поэтому никаких тебе там каблуков и юбок. Всё должно быть комфортно и надёжно. И неважно, что подумают другие. Так у них там принято. И этому тоже надо учиться.

— Похудела, — кивает головой Шона. Модная стрижка “удлинённый боб” очень ей идёт. Чёрные пряди то и дело падают на лицо. Шона откидывает их за уши. Она выглядит гораздо моложе своих лет. Ни грамма косметики, непритязательные очки, лёгкая полуулыбка. Возраст выдают глаза — в них время остановилось. Глаза не улыбаются, они печальны. Печальны безгранично. Шона тоскует по Мише — любви всей своей жизни, той, которую ей подарила Калуга.

Шона — гордая, острая на язык шотландка — появилась в России в самое что ни на есть интереснейшее время — в начале девяностых. В её Facebook'е есть фотоальбом, его очень занятно рассматривать: смешные иностранцы с детской наивностью запечатлели то, что для нас казалось совершенно обыденным и вовсе не смешным. Обшарпанные стены и загаженные туалеты в общаге, в которую их сначала поселили, протесты против Ельцина в 93-м, рынок... Для них это как будто была какая-то игра, комикс, о котором потом рассказывалось соплеменникам: “Мы выжили, выжили в этом кошмаре, в этом хаосе! И давайте вспоминать его, как страшный замысловатый сон. Ха-ха!”

Шона приехала сюда учиться. Россию только что открыли для иностранцев, и к нам хлынул поток улыбчивых американцев, ирландцев, канадцев, британцев... Безбашенные авантюристы! Не всех ждала Москва. Шону ждала Калуга.

По своей программе она должна была преподавать английский язык в одной из школ, и с этим справилась мастерски. Параллельно осваивала русский — сейчас Шона говорит без акцента. Это мне пример. Всегда мечтала говорить на английском так, как она на русском. Шотландка быстро обзавелась друзьями в Калуге — недавние выпускники историко-филологического факультета, жадные до практики языка, приняли с распростёртыми объятиями не только её, но и ещё одну американку, ирландца... В общем, гостеприимство было оказано по полной и навсегда.

Миша как-то очень быстро подружился с Шоной. Высокий, громогласный, с небрежно завязанным хвостом спутанных волос, он как-то очень

быстро взял её под своё крыло и решительно отпустить. Шона сначала не придавала значения этому роману — ей двадцать лет с копейками, ещё гулять и гулять, а тут на тебе — какой-то непонятный русский. Русский, правда, оказался очень домовитым. Дома у него была чистота и порядок, а как он готовил! Рестораны тогда в Калуге можно было пересчитать по пальцам, но Шона туда вовсе не рвалась. Порой, при всей скудности ингредиентов, которые доставал Миша, он умудрялся приготовить самый настоящий кулинарный шедевр.

Шоне здесь вполне нравилось. Русские подкупали её своим нахрапом, беспардонностью и безграничной заботой. Ох, ну, и куда ж тебя занесло, шотландочка ты наша! Ну, раз уж попала, давай дружить. А в обиду мы тебя точно никому не дадим. У Миши была куча общительных классных друзей, своих в доску. Шона до сих пор с ними общается. Она органично вписалась в их компанию и выписываться оттуда вовсе не собирается. Да и не сможет уже. Это же как семья.

Гордая шотландка так и не поняла, как этот русский смог её окрутить. Да так незаметно и крепко, что, провстречавшись несколько лет, Шона незамедлительно сказала русское “да” на предложение Миши пожениться. И тут же добавила второе “да” — о намерении Миши пожить ещё какое-то время в России.

У этой необычной пары и свадьба-то получилась на любителя. Любителей оказалось много, и бракосочетание Шоны и Миши прогремело на всю Калугу в новостях местного канала. Ей сшили нежно-голубое платье. Непослушные тёмные волосы были собраны вверх и украшены цветами. За окном — конец апреля. Апрель всегда непредсказуемый месяц, таящий в себе множество капризных сюрпризов. Это уже не март. Март в России — промозглость, слякоть, талость и грязь с небольшими солнечными лучиками, пробивающимися сквозь серые тоскливые облака. Апрель более жизнерадостен и оптимистичен, но может выкинуть и пару фокусов.

Шоне было всё равно, она не обращала внимания на всевозможные природные катаклизмы. Рука её крепко сжимала крохотный букетик ландышей. А рядом стоял Миша. Её Миша, Мишутка... Русский медведь. Жених отлично смотрелся в килте — их привёз шотландский тесть для него, для себя и для Мишиного друга-свидетеля. Вроде бы даже была вольнка. Но всё прошло без сучка без задоринки. Шона и Миша обменялись взаимными обещаниями не расставаться никогда и кольцами, жизнерадостно помахав после этого в камеры журналистам. В то время в Калуге свадьбы с иностранцами были относительной редкостью.

Шотландка задержалась в Калуге больше, чем планировала. Они поселились с Мишей в небольшой квартире в центре, где постоянно толпился народ.

— А что Миша готовит? — интересуюсь я, жадно вдыхая навязчивые, дурманящие запахи из кухни.

— Плов, — отвечает Шона. — Мне действительно повезло с мужем. Взял и выгнал меня из кухни. Зато потом посуду мыть буду я. У нас такое распределение обязанностей.

Мы пьём золотистое полусладкое вино вприкуску со свежей лепёшкой и просто нереальным, дымящимся пловом.

— Миш, тебе надо ресторан открывать! — отовсюду доносятся комментарии. По традиции у ребят много гостей, они постарше меня, поэтому мне немного неловко. Но полусладкое делает своё дело, я начинаю вливаться в разговор, и мне уже не так страшно. В комнате гул, смех. У них всегда так. Миша и Шона излучают какой-то позитив, словно солнечные батарейки. Плюс и минус. И никак друг без друга. Отличный тандем. И себе, и другим на пользу.

К ним хочется приходить, и они никогда не закрывают от тебя дверь.

Прожив какое-то время в Калуге, ребята переехали в Эстонию на год, а после в Шотландию. Миша прижился и там. Как когда-то Шона пустила корни в незнакомой Калуге. словно им было предначертано подшиться не только друг от друга, но и от чужих земель, ставших родными. Они всё делили пополам, щедро и без уворов.

Не разлей вода... Бывает же такое! Не верьте тому, кто будет говорить про разницу менталитетов, привычки и всякую другую дребедень. Люди одной национальности могут прожить всю жизнь друг с другом, так и не поняв, зачем сошлись, зачем были вместе... А ведь могло быть совсем иначе... Не всякому дано найти свою батарейку. А если уж нашёл — хватай, держи, береги! Заряжайся!

На похоронах Миши Шона держалась изо всех сил. Хрупкая, невесомая фигурка — и куда делись её щёки? Укутанная в чёрный свитер, длинную юбку — так по-русски!.. — и тяжёлые ботинки, она тихо приветствовала людей, пришедших проводить Мишу в последний путь. За время его болезни Шона мигом скинула килограммов двадцать.

— А я всегда хотела похудеть, — грустно говорит она, — и вот... Бойтесь своих желаний. Точнее, способов их исполнения.

Шона не спит толком уже несколько недель — дикую усталость выдают глаза. Она старается не показывать слабости — кровь гордых шотландских предков сдерживает. Ей нужно пережить этот страшный день и остаться с собой наедине как можно скорее.

Миша умер после продолжительной страшной болезни. Они оба знали, что он обречён, но до последнего не расставались и не прощались. Шона смогла это выдержать. Она также смогла справиться с организацией похорон, доставив тело мужа в Калугу. Здесь живут его родители, брат. Здесь его родная земля. Ещё немножко, ещё чуть-чуть... И этот нелепый жестокий день закончится. Шона будет потом спрашивать себя: “Зачем? Почему я? За что?...” Сейчас не время. Нужно держаться.

Дома её ждёт кот Пушкин, уютная квартирка в центре Глазго и не особо парящая административная работа. Но она хочет большего. А чего, пока толком сама не решила. Шона — талантливейший преподаватель, знающая русский лучше некоторых моих соотечественников.

— Тебе нужно переводить! Учить! У тебя же так классно получается! — Мои глаза горят, я всё-таки опять села на своего любимого конька — привычку давать мотивирующие советы.

— Да, может быть... — мы с Шоной наконец-то дошли до Парка культуры и неспешно бредём вдоль узких тропинок. Мы хотим посмотреть на панораму и реку. Там красиво. Там отпускает.

Шона потихоньку выкарабкивается. Снова появляется небольшой намёк на щёчки, хотя в глазах пока нет прежнего блеска.

— Путешествия помогают, — делится она. — Вот сейчас активно занялась хайкигом. В Шотландии столько красивых мест.

— Охотно верю. У вас же там и сделано всё по-человечески.

Нам, русским, не хватает организованных тропинок в лесу. Но даже если они у нас и появятся когда-нибудь, всё равно начнём искать обходные пути. Так же интереснее. А вдруг там есть что-то новенькое, такое, что никогда не показывали любопытной общественности?

— И у вас можно, — резонно замечает Шона. — Только вам это не надо. Вы ж не сможете так!

Понимает... Всё понимает. Ты стала слишком русской, Шона. Плохо ли это? Наверное, нет. Сложнее стало жить? Наверное, да. Человек, попадая в инородную для него среду, либо приспосабливается к ней, обтачиваясь заново, чтобы попасть в нужную форму, чтобы хоть чуточку перестали разглядывать, как в зоопарке, чтобы на минуточку забыли, что ты иностранец, чужой... А может, враг?.. Чтобы хоть немного стали доверять, помогать, верить... И как только тебе удаётся более или менее освоиться в новой роли, то непременно, резко жизнь снова выкидывает тебя в твою толпу. Ту, которая казалась тебе такой близкой и понимающей всего лишь некоторое время назад. Толпа шарахается от тебя, недоверчиво припохиваясь. Вроде наш, и вроде другой. Станный какой-то... И тебе странно и неловко, как будто не можешь больше найти места ни у них, ни у себя... *Свой среди чужих, чужой среди своих...* Достаточно болезненное чувство.

Шона уже никогда не станет прежней задорной шотландской девчонкой, приехавшей посмотреть на обломки Союза. Она прошла огонь и воду в этой

дикой, непомятой стране. А медные трубы ей вовсе не нужны. Ей нужен Миша. Но его больше нет. И с этим она тоже уже смирилась. Но не забыла. И никогда не забудет те счастливые мгновения, которые были только у них и которыми она не намерена ни с кем делиться.

Мы смотрим на воду. Ока сегодня ленива, но по-домашнему мила. По рябой воде играют солнечные зайчики — золотистые блики растворяются в лазури, подсвечивая её изнутри. Вода успокаивает, особенно, если на неё смотреть долго и от души. Вода может подарить тебе и лёгкую грустную меланхолию или приятную радость, просто так, от которой на губах появляется спонтанная мелькающая улыбка, а внутри вдруг становится легко, словно вверх поднимаются сотни разноцветных воздушных шариков, и ты вместе с ними. Это — отпускает. Но не смотрите на воду в тёмный пасмурный день. Ничего хорошего вы там не увидите. Скорее наоборот. Созерцать тоже нужно избирательно, ибо не всё приносит радость. А когда очень плохо, уж лучше разбавить чёрную краску белилами... И вот уже не угольное всё кругом, а есть просветы серого. А вот тут можно немного голубого добавить... А если голубое разбавить жёлтым, то что получится?

Шона с улыбкой смотрит на воду. С её палитрой всё в порядке. Она рисует новую страницу в своём альбоме.

— Планирую поехать в Амстердам, — делится она.

— Прикольно. Жду фоток в Facebook'e.

— Обязательно. А куда бы хотела поехать ты?

— Не знаю... У нас же у русских так — тянем всё до последнего, а потом раз — крышу сдвинуло, и уже ноги несут куда глаза глядят. И сами не поняли, чего сорвались. Зато не скучно. У вас другие крайности! Когда будете отделяться-то?

— Отделимся, — уверенно кивает головой Шона, — в этот раз не получилось, но мы настроены оптимистично.

— Fre-e-e-edom!!! Sco-o-otland! — орём мы во всё горло, отдавая дань уважения Уильяму Уолласу. Да будет так! Мы — представители свободолобивых народов, и в нас это не искоренить никогда. Татаро-монголы тут слишком надолго задержались, больше мы никому не позволяли так долго гостить на нашей территории. И не позволим. Шона задумчиво смотрит на Оку — всё будет!

Парк культуры очарователен, пропитан историей от корней древних дубов до самого свежего, пьянящего воздуха. Он тебя обволакивает, словно серебряная невидимая паутина, погружая в задумчивую дрему. Хорошо! Парк повидал таких, как мы, великое множество на своём веку. А сколько ещё придёт нам на смену! И парк продолжит своё дело, уже напоминая тем, будущим, о нас, которые сейчас настоящее...

Дрему стряхивают звуки колоколов Троицкого собора. Мы вздрагиваем, словно проснувшись. Пора! Пора идти дальше. Время пришло. А время не терпит, когда его тратят попусту. Лови момент, выбирай краски и твори... Рисуй новые картины. А старые бережно сохрани и мало кому показывай. Не каждый рождается гениальным художником, но нам всем есть что сказать. Только не для широкой публики. Широкая публика не поймёт. Да и не надо ей это... Поверь, как и тебе.

Шона перелистывает страницу своего альбома. Там ещё впереди много чистых листов. Её ждёт Амстердам. И вообще много чего интересного. Наверняка с кучей обходных троп. Ведь так у нас принято, у русских. Лёгких путей не искать. И Шона вовсе не против. Так намного прикольнее жить.